

СВИДЕТЕЛЬСТВО, ИСПОЛНЕННОЕ РАДОСТИ

Фрагменты из статьи американского журналиста Рода Дреера*

Я познакомился с Родом Дреером и его семьей почти два года назад по довольно необычному поводу — он, тогда еще католик, пришел попросить меня написать семейную икону.

Из нашего первого разговора я узнал его историю. Род и Джулия, его жена, недавно переехали из Нью-Йорка в Даллас, где Род получил работу редактора религиозной секции крупной местной газеты. Одной из наиболее важных причин, которая заставила преуспевающего журналиста влиятельных *Washington Post* и *National Review* переехать из «столицы свободного мира» в относительно провинциальный Даллас, было желание, как он выразился, «сохранить себя и своих детей как христиан»...

Как оказалось, это было только началом его непростого пути в Православную Церковь Америки — полгода назад Род, Джули и двое их детей были присоединены к православию в Соборе Св. Серафима Саровского.

Текст, который мы в сокращении предлагаем вашему вниманию, был размещен в Интернете в качестве исповеди на вебсайте *Beliefnet.com* и вызвал огромное количество откликов...

...У меня уже вошло в привычку выходить из храма во время проповеди — частично от того, что мы могли услышать заведомую ложь (однажды диакон с амвона благодарил Бога за то, что мы, Католики, не похожи на этих отвратительных христиан-фундаменталистов (протестантов — ред.), которые верят, что Христос — это единственный Путь ко спасению...), но скорее просто потому, что чувствовал себя настолько слабым и неустойчивым в вере, что просто хотел поскорее принять Причастие и уйти домой без того, чтобы снова на все не разозлиться.

Я был в таком состоянии, что обычные американские церковные банальности, которые уже давно привыкли терпеливо переносить правоверные католики, производили на меня просто взрывное действие. Этот путь жизни был с гнильцой, и я приходил в отчаяние, представляя себе, какой образ Христа я являю своим детям.

Фото Владимира Григоренко

После богослужения в Соборе. Прихожане поднимаются на солею и рассматривают новые росписи алтаря: Владыка благословил.

*Род Дреер, политолог и журналист, в 2006 году выпустил книгу под названием *Crunchy Cons*. (Игра слов: букв. — «хрустящие консерваторы»).

Речь в книге идет о «либералах» (членах Демократической партии) и консерваторах (сокр. *Cons*) — Республиканцах.

Так сложилось, что либералы в США обычно за «здоровый образ жизни», органическую еду, (поэтому *Crunchy* — хрустеть) «рукоположения» женщин и гомосексуалистов и т.д.

Напротив, консерваторы — это глобалисты, сторонники свободной конкуренции и «фундаментальных ценностей». В своей книге Род показывает, что в США существует значительное число людей, которые не вписываются в эти рамки, и будучи внешне похожи на тех или других на самом деле ориентированы на более глубокие и подлинные духовные и семейные ценности — именно это прежде всего определяет их жизнь.

Для меня лично интересно то, что о. Георгия Кочеткова можно в каком-то смысле назвать *Crunchy Con* — те, кого считают «консерваторами», его не выносят, а для либералов он слишком «консервативен». На деле оказывается, что он просто православный священник... (примечание В. Григоренко)

Я испытывал не меньшее отчаяние, думая о воспитании детей в католической вере. Джулия и я решили не отдавать детей в воскресную школу при приходе: ей стало известно, что приход позволяет, чтобы детей обучали вере женщины, даже не участвующие в литургии — они исполняли это как приходскую обязанность просто ради снижения платы за обучение их детей. Весь этот подход к христианской жизни как к помощи «фабрики, поставляющей таинства», заставлял меня все более охладевать. Я начал воспринимать свою веру и свое отношение к Католической церкви чисто механически. Я приходил для исполнения своего воскресного долга, принимал Причастие и потом бежал оттуда, не желая больше иметь ничего общего с жизнью прихода. Однажды мы с Джулией в слезах признались друг другу, что окончательно теряем веру. Никто из нас и представить себе никогда не мог, что это случится с нами. Знать, что ты отвечаешь за то, чтобы дети твои последовали за Христом (не говоря уж об ответственности за свою собственную бессмертную душу) и одновременно оставаться столь охладевшим к церкви, которая, как ты веруешь, имеет право на твою верность — это ужасно.

Фото Владимира Григоренко

Архиепископ Димитрий с детьми в трапезной Собора

Спустя несколько месяцев мы наконец решили посетить православный приход. Как католики мы знали, что там, по крайней мере, действительны Таинства. И хотя мы не сможем причащаться, мы можем быть там в присутствии совершающего Евхаристию Христа и возносить литургические молитвы с теми, кто составляет Его Тело, и приблизиться к Богу в это воскресное утро, пусть только отчасти. Мне трудно передать то бремя вины, которое давило меня, когда я переступал через порог Свято-Серафимовского прихода. И знаете, это оказалось удивительное место. Литургия была захватывающе прекрасна. Поучительно ортодоксальна. И люди — половина русские, большая часть остальных новообращенные — вряд ли могли быть добрее и приветливее. Как один из моих новых друзей, англиканин, говорил мне пару недель назад после того, как посетил этот приход: «Там есть жизнь».

Мы продолжали приходить туда, и наконец получили приглашение на обед в доме епископа. Я боялся, что это будет натянутое, формальное мероприятие. Как же я был изумлен, когда обнаружил, что данный нам адрес указывал на скромный маленький коттедж позади собора. Мы вошли, и это было как встреча с семьей после разлуки. Дом владыки был переполнен прихожанами, справлявшими праздничный день именно как праздник. Архиепископ Димитрий в центре всего этого выглядел как дедушка Гэндальф. За всю мою жизнь в Католической церкви я не встречал людей, которые так чувствовали себя со своим епископом. Все вместе это производило ошеломляющее впечатление — товарищество, наполненность молитвой, чувство семьи. Я даже не понимал, как изголодался по церковному общению. Джулия, которая выросла в евангелической церкви, сказала, что именно это знакомо ей с юности, и что став католичкой, она это утратила. Я помню, как думал этой ночью, вспоминая все, что мы испытали на литургии и теперь на этом приходском празднике: «Это то, чего я ожидал, когда пришел в Католическую церковь». И понял, что нет никаких причин, по которым католичество не могло бы быть таким. Православные вовсе не обладают каким-то особенным волшебством. Но дело обстоит так, как обстоит...

Спустя какое-то время мы узнали членов прихода. Они стали нашими друзьями. Для меня это был совершенно новый опыт — открыто быть в приходе ортодоксом, когда и настоятель, и прихожане поддерживают тебя в этом. В «*Crunchy Cons*» новообращенный православный (из католиков) Гуго О'Бэйн говорит, что для католика, приходящего в православную церковь, может оказаться удивительным, что не обязательно чувствовать себя «на военном положении» — иначе говоря, что «военные действия» в современной культуре не вторгаются в предстояние перед Богом. Люди единомысленны, а если нет, они не пытаются заставить Церковь изменить ее отношение к абортам, однополым бракам и т.п. В своей повседневной работе в качестве журналиста я в большей или меньшей степени всегда вовлечен в эти внутрикультурные противостояния, и для меня возможность ходить в церковь по воскресеньям и укрепляться заново для предстоящей борьбы (вместо того, чтобы воспринимать мессу как самый обесценивающий час недели) была новым и привлекательным опытом.

Джулия и я видели, что происходит с нами: мы влюбились в Православие. Были моменты, когда мы останавливались, чтобы проверить себя. Но мы не могли заставить себя отказаться от этого места, где мы вновь соприкасались со Христом и учились предстоять Ему в общине, и вернуться к тому, что воспринимали как духовную пустыню. Я знаю, не все католики так себя ощущают, но наш опыт был именно таков. Я продолжал думать об известных мне полных веры католиках старшего возраста, чьи дети потеряли веру. Может быть, это произошло бы в любом случае, но зная их так, как знал я, я не мог не думать, что страх перед отсутствием какой бы то ни было поддержки прихода в христианском воспитании детей вовсе не безоснователен. Мои дети подрастали, и я глубоко чувствовал, как важно, чтобы то, чему учат родители, поддерживалось и укреплялось влиянием общины. Большинство моих друзей-католиков делают как родители все что могут в самых тяжелых ситуациях. Они гораздо сильнее меня. Я должен был признать, что нуждаюсь в помощи. Эту помощь я нашел в Свято-Серафимовском приходе.

Фото Владимира Григоренко

Вечеря Богоявления в трапезной Собора (так же обычно после литургии здесь собираются прихожане выпить чашечку кофе и пообщаться)

В этом приходе я видел подлинную святость и добро, окружающие меня, и это вдохновляло и ободряло. Здесь не чувствовалось ни национализма, ни антикатолических настроений. Священник, о. Джон Андерсон, был когда-то католиком и сохранил искреннюю благодарность к этому периоду своей жизни. Правды ради нужно сказать, что за все это время никто из прихожан не говорил дурно о Католической церкви (один из наших новых друзей, русский, однажды сказал мне, что в Православной церкви слишком много своих грехов и скандалов, чтобы ригористично придирается к Риму). Все они всего лишь несли полное радости свидетельство о том, что они сами обрели в Православии. И это не могло не произвести на меня сильное впечатление.

Джулия и я сколько могли откладывали переход в православие, но наконец вынуждены были признать, что мы любим этих людей, любим эту веру и не хотим покидать ее.

Перевод с английского А. КОЛЫМАГИНОЙ
Предисловие и редакция перевода
В. ГРИГОРЕНКО (Свято-Серафимовский приход)

СТИХИ ИЗ МОЛЧАНИЯ

Когда-то поэт Николай Ушаков написал: «Чем продолжительней молчанье, / Тем удивительнее речь». Именно этот афоризм как нельзя более точно передает впечатление от поэзии Томаса Мертон — католического монаха, мистика, автора более семидесяти прозаических и поэтических книг.

В англоязычном мире Мертон является одним из самых читаемых духовных писателей. Не случайно его автобиографию «Семиярусная гора» сравнивают с «Исповедью» блаженного Августина, а его книги постоянно переиздают. На русский язык, к сожалению, переведено не так много произведений. Хотя сам автор живо интересовался русской культурой и вел переписку с Борисом Пастернаком.

К вере поэт пришел уже в зрелом возрасте. Как свидетельствуют его биографы, это произошло в канун Второй Мировой войны после откровения, явленного ему на Кубе. В церкви св. Франциска в Гаване, слушая детский хор, чисто выводящий «Yo sego, yo sego» («Верую, верую»), он был внезапно ошеломлен «непоколебимой уверенностью в светлом и немедленном знании, что небеса открылись».

10 декабря 1941 года, в возрасте 27 лет, Мертон поступил в самый строгий из католических монастырей, траппистский монастырь Девы Марии Гефсиманской, расположенный в американском штате Кентукки.

Трапписты, как известно, не занимаются ни педагогической, ни миссионерской, ни социальной деятельностью. Они молятся и трудятся. И воскрешают в своей жизни идеалы древних христиан. У монаха нет ничего своего, даже кельи — он спит в большом dormitorio вместе с десятками братьев. Траппистов часто называют молчаливниками, что в известном смысле верно: хотя траппистские монахи и не дают обета молчания, они имеют право разговаривать только со старшими по иерархии и в особых случаях — с посторонними. Для общения друг с другом выработан особый язык жестов.

Погрузившись в молчание, в тишину, Мертон неожиданно открыл в себе источники творчества. И книги, написанные от лица «внутреннего человека», человека, идущего по пути к Богу, оказались востребованными. В них нет ничего смурного, назидательного, напыщенного. Они дышат светом, улыбкой, радостью слова. И есть в них какая-то детскость. Евангельская максима «Будьте как дети» применима к творчеству поэта. О ребенке внутри нас сам Мертон пишет так. «Не робей, Карл Барт, — обращается он к знаменитому протестанту. — Хоть ты и стал великим богословом, Христос внутри тебя всегда остается ребенком. Твои книги, как и мои, значат гораздо меньше, чем мы с тобой думаем. Но есть внутри нас Моцарт, который спасет нас».

Книги отца Луи (так звали в монашестве нашего автора), без сомнения, способны ответить на многие вопросы. Если, конечно, читатель задаст их правильно.

Мертон практически постоянно жил в монастыре. Первая его долгая командировка оказалась последней: он погиб в Бангкокской гостинице (удар током от неисправного вентилятора) в Таиланде, куда приехал для участия в конференции азиатских бенедиктинцев и цистерцианцев.

Сонное видение в Арле
в ночь мистралья

Поднимайся, сероватый призрак, Марс —
Командир темноты,
Чей варварский бег
Изумляет ветер.

Ночью холодно сердцу,
И жаждущий человек
Упадет от железных ударов.

Туман, освященный луной.
И рыскающее око:
Новая ярость.

Над парящими тополями
Трубный глас и огонь.
Две вьющиеся руки
Ранят больную душу.

В узкую дверь
Ускользнуть поскорей
От собак и аварий
И призрачных командиров.

В тесную дверь —
От безумства сердца
В надежную крепость.

Ночью дорога легка
И святой Себастьян
(Был ли он африканским солдатом?)
Ветром прогонит смерть
И понесет над каналами
И кафедральным собором в Нарбонне.

Песенка никому

Желтый шар
(свет и дух)
сам с собой
поет никому

светлый дух
и пустота
песня без слов
просто так

пусть не коснется тебя тот,
в чьем темном оке
зверь пробужден

(без имени, цвета и света,
без мысли:
совсем проснись!)

золотое небо
просто поет
песенку никому.

* * *

Любить зиму, когда деревья молчат

Лес небольшой, в кружеве
Заснеженных веток.
Дом спрятался —
Растет валунами.

Тайна
Слов
И воды,
Ничто.

Войти внимательно
В кружево
На рукояти шпаги —
Мертвый зенит.

Огонь.
Уйти в себя,
В свою жалкую крепость,
В укроище —
Дом пустоты.

О мир, благословенно это странное место.
В молчании растет любовь.

Молчание, золотое ничто.
Незаходимое солнце.

Любить зиму, когда деревья молчат.

Читатель

Господи, когда бьют часы,
Напоминая о времени холодной стрелкой,
Я сию спрятанный за аналоем.

Ожидая прихода монахов.
Вижу красные сыры и чаши,
Чаши с молоком.

Мягкий свет абажура,
Звенящие цепочки.
Я читаю.

И монахи спускаются вниз, под арку.
Их одежды шумят словно волны.
Не вижу их, но слышу — идут.

Зима, и я готов
Перевернуть страницу месяцеслова.
Деревьям-узорам, которые Твоя луна
наморозила на окне,
Буду читать Писание — долго-долго.

Монахи останавливаются.
Омывают руки.
Капельки воды на кончиках их пальцев
Меньше, чем этот стих.

Поклонение волхвов.
Айан МакКиллоп. Из серии «Ступени воплощения», 2001

Рождественская открытка

Когда яркие звезды беседуют словно сестры
И зимние холмы парят в морозной ночи
Одинокое окно
Кровоточит словно око горна.

Звезды, холмы.
Яркие звезды над твердью Востока
Приносят
Туманные узоры света веры.
Маленькое Сердце кровоточит огнем.

Это не тот ли Младенец —
Мы слышим колокольчики Его голоса —
Победитель холода нашего мира?

И госпожа Богородица
Склоняется над колыбелью.
Словно рапиры —
Ограда ее любви — жаркое пламя.

Здесь, в соломе, огонь —
Спасение от скорбей.
Агнец и Жертва!

И один за другим пастухи, заснежены ноги,
Топают, отряхивают свои грязные шляпы,
И один за другим преклоняют колени.

Вступительная статья и перевод с английского
Бориса КОЛЫМАГИНА